

В. Н. Гильденберг

**Сельская власть в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.:
отражение практики «неблаговидных поступков»
в официальных документах.**

Традиционно в российской практике государственного управления власть является одним из эталонов национально-культурной идентификации, координатором приемлемых образцов поведения, норм и ценностей. Специфика властных отношений, форм управления, административных установок и смыслов оказывала влияние, как на «поведение власти», так и на особенности восприятия сельскими обывателями «властителей и судей». В повседневной практике жители сибирских деревень обращались для решения своих насущных проблем к крестьянским начальникам, мировым судьям, волостным писарям и сельским старостам, которые с одной стороны, были проводниками государственно-правовых идеалов, а с другой стороны – эти идеалы разрушали.

В данной статье представлен анализ различных видов служебных злоупотреблений представителей сельской власти в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в., которые нашли отражение в официальных делопроизводственных документах и на страницах местной прессы¹. К делопроизводственным документам, в первую очередь, следует отнести материалы официальной переписки высших должностных лиц региона и органов власти, отчеты по губернским ревизиям, а также обращения крестьян к губернатору, в связи с неправомерными действиями или бездействием представителей сельской власти². Данные материалы не дают нам четкого ответа на вопрос «как было на самом деле», но позволяют приблизиться к пониманию механизмов взаимодействия власти и общества в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.

Проблемы функционирования сельской власти в сибирской деревне фрагментарно были отражены в работах В.Н. Никулина, А.В. Ремнева, В.В. Гермизеевой, М.Х. Яргаева и других³. В.Н. Никулин исследовал административное управление крестьянами в целом, изучал структуру и функции системы органов управления крестьянами от высших государственных до крестьянского

Гильденберг Виталий Николаевич, аспирант Омского государственного педагогического университета.
Эл. почта: Gildenvit@yandex.ru

¹ Главное управление Тюменской области государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 335. Отделение по крестьянским делам губернского управления. Ф. 479. Тобольский губернатор.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335; Ф. 479.

³ *Никулин В.Н.* Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979; *Сибирь* в составе Российской империи. М, 2007. С. 193; *Гермизеева В.В.* Высшая администрация Западной Сибири (1905–1917 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; *Яргаев М.Х.* Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901–1917 гг.).

самоуправления¹. А.В. Ремнев в своих работах подробно рассматривал проблемы имперского института власти². В.В. Гермизеева занималась изучением законодательно закрепленной структуры, полномочий и деятельности высших местных учреждений в лице губернатора и губернских управлений³. М.Х. Яргаев рассматривал институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1901–1917 гг.⁴ Крестьянские начальники заведовали общественным управлением, обязаны были заботиться об устройстве крестьян и переселенцев, а также обладали управленческими и судебными полномочиями в отношении «инородцев». Они могли рассматривать споры между крестьянами по хозяйственным вопросам, подменяя, тем самым, компетенцию волостного суда. Вместе с тем, крестьянские начальники согласно законодательству были поставлены в полную зависимость от губернатора и общего присутствия губернского управления⁵.

В научной литературе были определены функции сельского старосты, в руках которого было сосредоточено управление сибирской деревней. Его функции были весьма разнообразны. Он созывал и распускал сельский сход, председательствовал на нем, приводил в исполнение мирской приговор; наблюдал за исправным содержанием мостов, дорог, соблюдением правил строительного и пожарного уставов; контролировал сбор податей и порядок отбывания повинностей; принимал необходимые меры для охранения благочестия. Староста должен был, безусловно, исполнять все требования местных властей. Он мог подвергать наказанию в виде общественных работ до двадцати дней, штрафу в пользу мирских сумм до одного рубля или аресту до двух суток, и он этой властью при необходимости пользовался. В связи с малочисленностью жителей на несколько сибирских деревень мог быть избран один староста⁶.

Также весьма значительную роль в качестве проводника властных функций на селе играл волостной писарь. Как отмечают исследователи, одной из самых острых проблем в организации крестьянского самоуправления оставалась проблема подбора волостных писарей⁷.

Волостные писари в Сибири, как показала административно-управленческая практика, стали, по сути, «управляющими», собиравшими «дань» с крестьянского населения. Грамотный, бывалый человек, нередко из ссыльных чиновников,

¹ Никулин В.Н. Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. С. 2.

² *Сибирь* в составе Российской империи. С. 193.

³ *Гермизеева В.В.* Высшая администрация Западной Сибири (1905–1917 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 11.

⁴ *Яргаев М.Х.* Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901–1917 гг.)

⁵ *Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913):* Т. 18 (1898): Ч. 1: Законы (14861–16309). URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 28.06.2011).

⁶ *ПСЗРИ. Собрание (1825–1881):* Т. 36 (1861): Ч. 1: Законы (36490–37190). URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 15.09.2011).

⁷ *Сибирь* в составе Российской империи. С. 194.

знавший премудрости бюрократического делопроизводства, писарь постепенно выдвигался на первые роли, подминая под себя выборное крестьянское начальство. При слабой заинтересованности крестьян в избрании на выборные должности, низкой компетентности старшин и старост, частой их смене, писарь выглядел фигурой наиболее дееспособной и стабильной. Именно писарь по делам службы чаще всего общался с представителями коронной администрации. В его руках сосредоточивались мирские суммы (в том числе и от так называемых «темных поборов»), через него шел подкуп чиновников, при его посредничестве последние поддерживали связь с крестьянским миром. Волостной писарь, таким образом, являлся тем звеном, которое соединяло государственный бюрократический аппарат и органы крестьянского самоуправления¹.

Для максимального приближения правосудия к обывателям был введен институт мирового суда в Сибири. Мировые судьи были облечены «приличным объемом обязанностей», что, по словам В. Анучина, в совокупности с любовью сибиряков к сутяжничеству и общим состоянием преступности, осложняло деятельность мировых судей².

Таким образом, в научной литературе по вопросам деятельности административно-управленческих органов и должностных лиц в отдельных регионах Российской империи накоплен достаточно большой фактологический материал, проанализирована законодательно закрепленная структура, полномочия и деятельность высших местных учреждений в лице губернатора и губернских управлений, а также формально определены функции и структура сельской власти. При этом за рамками исследовательского интереса остаются повседневные поведенческие стратегии и практика взаимодействия сельской власти с простыми обывателями, что является предметом анализа в данной статье.

Образ «властителей и судей» Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. имел не только формализованные характеристики, в него также входили так называемые «неблаговидные поступки», которые были зафиксированы в материалах переписки официальных лиц региона, в прошениях крестьян на имя губернатора и в публикациях местной прессы³.

Одним из примеров подобных «неблаговидных поступков» является деятельность Крайчиковского волостного писаря Н.А. Успенского и мирового судьи четвертого участка Тарского уезда, зафиксированное в одном доносе на имя тобольского губернатора⁴. Негласноподнадзорный Успенский устраивал у себя в квартире во флигеле волостного правления «помещение для заезжих начальствующих лиц, симпатиями которых он как человек умный и хитрый завладел»⁵. Первым к Успенскому заезжал крестьянский начальник Гриневицкий, по рекомендации которого Успенский был определён на должность Крайчиковского волостного писаря, затем по рекомендации того же Гриневицкого,

¹ *Сибирь* в составе Российской империи. С. 195.

² *Анучин В.* Пасынки Феиды // *Сибирские вопросы.* 1909. № 46/47. С. 30.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1232. Л. 23.

⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 13.

⁵ Там же.

в квартире Успенского останавливались: мировой судья четвертого участка Тарского уезда Медведев, становой пристав третьего стана Филандропов, окружной врач Никольский и мировой судья Страхов, который четыре месяца исполнял должность за уволенного в отпуск мирового судьи Медведева¹.

Успенский в своем помещении устраивал «попойки» среди лиц, влиятельных в сельской среде с корыстными интересами и, следовательно, сам вскоре начал оказывать негативное влияние на сельскую среду. Кроме того, Успенский вовлекал в игру в лото сельских старост и это в то время, когда старосты являлись в волость для сдачи податей, а когда кто либо из них отказывался принять участие в игре, то сельские писари, играя в руку своего протезе Успенского, «изыскивали случай сделать тому какую либо неприятность»². А именно: сельский писарь доносил на старосту в волость, а Успенский, в свою очередь, крестьянскому начальнику, который и налагал взыскание на старосту. На жалобы потерпевшего, как крестьянский начальник, так и мировой судья четвертого участка Тарского уезда Страхов не обращали внимания, что подтверждалось рассказами сельских старост и других лиц. Здесь налицо круговая порука. Сельские старосты были заложниками ситуации и не могли ничего поделать. Крестьянский начальник Гриневицкий и мировой судья четвертого участка Тарского уезда Страхов, на которых ложилась обязанность урегулировать спорные вопросы, играли на руку обыкновенного волостного писаря, которого они могли в любой момент отстранить от занимаемой им должности.

Таким образом, можно сказать, что возможности расширения «поля деятельности» представителей сельской власти были весьма разнообразны, а практика подобной деятельности весьма сомнительна с точки зрения её правомерности. Помимо этого, для законодателей того времени не представлялось возможным учесть такие случаи злоупотребления служебным положением начальствующих лиц, так как законодательная практика была достаточно слабая.

Другим примером может служить история старосты села Строкинского И.З. Ламонова³. Драка между крестьянами стала основанием для рассмотрения этого эпизода волостным правлением. Уже известный нам Крайчиковский волостной писарь Успенский командировал для производства дознания волостного заседателя К.Е. Шестопалова и своего помощника И.И. Ягодина, которые напившись, явились в село Строкинское. Во время их приезда старостой Ламоновым был собран сельский сход, на который и явился помощник писаря Ягодин, который начал ругать площадную бранью старосту Ламонова. Собравшиеся крестьяне из-за непристойного поведения Ягодина ушли со схода. Ягодин и Шестопалов донесли Успенскому, будто староста Ламонов распустил сход и не оказал им содействия, во время производства дознания. По донесению об этом Успенским бывшему крестьянскому начальнику Гриневицкому, Ламонов был арестован на семь суток⁴.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 14.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 17.

Этот случай показывает, что в результате фальсификации сведений и служебного подлога со стороны волостного заседателя Шестопалова и помощника Ягодина, посредством Успенского пострадал староста Ламонов. А крестьянский начальник Гриневицкий, не разобравшись в ситуации и, находясь под влиянием Успенского, арестовал невиновного.

Тот же Ягодин в июле 1901 г. оскорбил старосту Ламонова бранью на сельском сходе о чём была подана жалоба и.д. мировому судье Страхову, который жалобу эту оставил без последствий. Затем Успенский против желания старосты Ламонова и целого общества определил в село Строкинское сельским писарем пьяницу-мещанина из ссыльного города Тары Д.И. Кузьмина. При заявлении Ламоновым протеста против этого назначения, Успенский ответил: «тебе этот писарь не хорош, а мне хорош и я заставлю тебя с ним служить»¹. Сельский писарь Кузьмин, по назначении своим на эту должность, склонял Ламонова на мошенничество с общественными деньгами. Затем Кузьмин нанес Ламонову оскорбление действием, о чём была подана жалоба мировому судье Страхову но по ходатайству Успенского тоже оставлена без последствий. Девятнадцатого марта 1901 г. Кузьмин украл сено в соседней деревне Владимировке, но это сено у него было отобрано. За такой выбор сельского писаря общество хотело жаловаться тобольскому губернатору на Успенского, но последний, узнав об этом, перевел Кузьмина сельским писарем в деревню Владимировку².

Таким образом, слова Успенского «тебе этот писарь не хорош, а мне хорош и я заставлю тебя с ним служить», адресованные Ламонову, показывают личное, а не служебное отношение Успенского к Кузьмину. Эти слова показывают наглость и безнаказанность волостного писаря Успенского, его негативное влияние на сельское управление. Он руководствовался своими личными соображениями и личным отношением при определении сельского писаря. А когда сельское общество решило пожаловаться тобольскому губернатору, Успенский решил проблему переводом писаря в другую деревню³.

Ещё одним примером фальсификации сведений и служебного подлога может служить рассказ крестьянина села Строкинского М.А. Таранникова. На предложения Успенского быть участником в карточной игре и в лото, а также и склонять к этому сельских старост, Таранников ответил отказом. Поэтому Успенский несправедливо относился к нему, неоднократно говоря: «не я буду Успенский, если не посажу тебя в тюрьму»⁴. Во время приезда тобольского губернатора, Таранников был устранён от и.д. волостного старшины по ходатайству Успенского, боявшегося, что о нем могут донести главе губернии⁵.

Брат волостного старшины М. Еременко Н. Еременко, живший в отделе с братом-старшиной, подал на последнего жалобу мировому судье Страхову за то, что его брат, старшина М. Еременко, увез у него пятьдесят копен сена. Мировой

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 17.

² Там же. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 20.

судья Страхов привлек старшину М. Еременко к законной ответственности. Однако во время разбора этого дела в камеру мирового судьи явился писарь Успенский, который подав г. Страхову записку, сказал: «оставьте пока дело, какой-то чиновник приехал и ожидает Вас у меня в комнате». Страхов оставил разбор дела, и вместе с Успенским и волостным старшиной Еременко, ушел. Затем Страхов напился и уехал, а дело осталось не оконченным. Об этом последнем случае рассказал названный выше помощник волостного старшины М. Таранников ¹.

Представители сельской власти, в частности крестьянские начальники, злоупотребляли спиртными напитками. Так, крестьянский начальник Логинов в пьяном виде разгуливал по улицам села Гольшмановского. Доведенная таким положением видимо до отчаяния его жена Вера Александровна, находясь чуть ли не каждый день в соре со своим мужем, пыталась отравиться нашатырным спиртом, и только благодаря сельскому врачу, осталась жива. Сам Логинов в тот же день уже просил у сидельца погреба скорее дать ему полбутылки водки говоря: «нужно же брать выпить когда сука эта стервица отравилась» ².

Точно так же и крестьянский начальник третьего участка Бураковский, приехав в город Ишим, остановился в гостинице «Литва» и «пил запоем, причем ходят слухи, что будто бы он растратил казённые деньги, или же такové выгнали у него во время пьянства» ³. Это донесение уездного исправника не исчерпывало тех сведений, которые у него имелись о происшествии с казенными деньгами в номере трактира «Литва». Дело в том, что Бураковский вошел в тесную компанию по выпивкам с провинциальным актером Юдинцем, который приводил в номера женщин, вместе с содержателем номеров и его прислужгой распространил свое влияние на Бураковского. Опека всей этой компании закончилась тем, что через два дня Бураковского ограбили, когда он был в состоянии сильного алкогольного опьянения. По заявлению Бураковского у него было с собой свыше тысячи рублей казённых денег, которые он привез в город, чтобы сдать в казначейство. Юдинец, в свою очередь, сделался из нищего богачом, стал кутить по городу, меняя сторублёвки в домах терпимости и в лучших ресторанах города. Когда Председательствующий в Съезде Резанов нашел Бураковского в гостинице «Литва», он был почти в бессознательном состоянии, и с трудом говорил. Бураковский подал прошение об отпуске по болезни. По денежной отчетности крестьянского начальника Бураковского не оказалось оправдательных документов на сумму 429 руб. 57 коп. ⁴ Бураковский дал письменный отзыв, что эту сумму у него украли в номере. Резанов по просьбе Бураковского послал его родным телеграмму с просьбой выслать по телеграфу 600 руб. для пополнения казённых сумм. Эти недостающие деньги были внесены родными Бураковского ⁵.

Тридцатого декабря 1910 г. крестьянский начальник третьего участка Тюкалинского уезда Ф.П. Барсуков пришёл к крестьянину села Саргатки

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 22.

² Там же. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1231. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об. 1.

⁴ Там же. Л. 12 об. 1.

⁵ Там же. Л. 13.

Саргатской волости И. Похилько в два часа ночи в сильно пьяном виде и заставил Похилько чистить его пальто, которое было запачкано ещё «свежими человеческими испражнениями»¹. На вопрос кто именно запачкал ему пальто крестьянский начальник ответил, что его запачкал священник села Саргатки А.В. Савинов. На утро Барсуков ушёл к штатному священнику своему приятелю Савинову похмелиться. При уборке комнаты Похилько обнаружил, что на постели (на простыне) оказалось свежее человеческое испражнение, под кроватью же оказались панталоны Барсукова, наполненные также свежими человеческими испражнениями, от чего происходила сильная вонь, которую устранить пришлось с большим трудом. Подобные проделки крестьянского начальника на земской квартире Похилько были и раньше. В сентябре 1910 г. Барсуков, остановившись в земской квартире Похилько, в сильно пьяном виде «мочил на пол, а затем в коридоре»². В декабре того же года всё повторилось вновь. Когда Похилько не смог перенести нахальных выходок Барсукова и осмелился попросить его не совершать в следующий раз таких поступков, Барсуков рассвирепел на Похилько со словами «как ты можешь мне делать такие замечания, я Ваш Бог и Крестьянский Начальник, что хочу, то и могу делать, а вот за твою смелость ты отправляйся в Волость под арест»³. Не чувствуя за собой никакой вины, Похилько не согласился идти под арест. Тогда Барсуков распорядился связать Похилько и посадить под арест, где он просидел целую ночь. Когда его связывали, то сильно помяли ему руки и все тело. Из-за этого Похилько болел некоторое время и понёс ущерб в материальном отношении⁴.

Барсуков заезжал на земскую квартиру, но трезвым его видели только тогда, когда он принял третий участок. Заезжая в пос. Саргатку, он требовал от крестьян, чтобы они покупали водку, а затем вместе с ним выпивали. Ходил он в пивную, и там вместе с мужиками, пьянствовал. Барсуков напивался до такой степени, что падал на улице⁵.

Из конфиденциального письма пристава Зотина тобольскому губернатору 18 января 1911 г. стало известно, что крестьянский начальник третьего участка Тюкалинского уезда Ф.П. Барсуков, будучи подвержен пьянству, во время нахождения где-либо в компании, часто выходил из ряда всяких приличий, не считаясь ни с занимаемым положением, ни с тем обществом, в котором находится.

Шестнадцатого января Барсуков был в гостях в квартире саргатского волостного писаря Муравицкого, где «напился до пьяна», и играл на гитаре запрещённую песню⁶.

Эти «подвиги» не остались без внимания и нашли отражение в местной прессе. Так, в газете «Сибирь» 12 января 1911 г. была опубликована статья, в которой также говорится о неблагоприятных поступках крестьянского начальника Барсукова.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1232. Л. 3.

² Там же. Л. 3 об. 1.

³ Там же. Л. 4 об. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6 об. 1.

⁶ Там же. Л. 18.

После удачного исхода ревизии волостного правления Черноозерского (Тюкалинского уезда), Барсуков, хорошо напившись у одного из земских ямщиков З., отправился в местное училище. Там его как должностное лицо пропустили, вероятно, не разобрав, что он был пьян. Лишь только Барсуков успел войти в училище, где был встречен учительницей, её матерью и ещё несколькими дамами, как он произнёс «не поддающееся перу и не печатающееся слово»¹ и, не снимая шубы, сел. Всё были удивлены и не знали, что им делать. А Барсуков повторял нецензурные ругательства, отчего женский персонал разбежался, а остались лишь мужчины, которые уговаривали Барсукова прекратить буйство.

Барсуков оправившись, распорядился пригласить музыкантов. Последние явились и Барсуков, намреваясь открыть танцевальный вечер, приказал музыкантам играть. Но их игра не понравилась Барсукову и он крикнул: «Что вы играете?» а затем бросился к ним и ругался как «последний извозчик», размахивал кулаками и кричал: «Я вам побью гармошки». Но побить музыкантов ему не дали и буян утих только тогда, когда ему заявили, что свяжут. После этого Барсуков был отвезен на земскую квартиру, где предел его буйства не закончился. Там он бил посуду и, наконец, натешившись вволю, снял с себя всю одежду и, в костюме Адама, разгуливая по земской, кричал: «Нате, смотрите меня», изливая при этом самую неприличную брань².

Таким образом, среди представителей сельской власти в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. бытовала практика «неблаговидных поступков». Под данным выражением понимаются злоупотребления служебным положением начальствующих лиц. Сюда можно отнести фальсификацию сведений и служебный подлог, безнаказанность и негативное влияние на сельское управление, преобладание личного отношения представителей сельской власти к подчиненным при исполнении служебных обязанностей.

Кроме того, представители сельской власти устраивали игры в лото вплоть до лотереи собственных вещей. Царила безнаказанность мировых судей, как вершителей закона на селе. Они, находясь при исполнении своих служебных обязанностей, могли остановить рассмотрение судебного дела и уехать, а вскоре напившись с другими представителями сельской власти, вовсе забыть про него.

Проблема пьянства была ярко выражена среди крестьянских начальников. Тем самым они давали повод для негативного отношения обывателей к ним, а соответственно, и к власти в целом. Крестьянские начальники, как и другие представители сельской власти, учиняли произвол при исполнении своих служебных обязанностей, злоупотребляли своим служебным положением, использовали казённые деньги не по назначению, а для решения своих личных вопросов.

Крестьянские начальники, мировые судьи, волостные писари и сельские старосты, с которыми непосредственно взаимодействовало сельское сообщество, были связаны личностными и служебными отношениями, причем первые значительно преобладали. Отдаленность от административных центров и широкий спектр полномочий крестьянских начальников порождали безнаказанность

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1232. Л. 23.

² Там же.

и произвол с их стороны, а со стороны местного населения – недоверие и пренебрежение к власти в целом.

Подводя итог, необходимо отметить, что обращение к изучению различных видов служебных злоупотреблений среди представителей сельской власти в Tobольской губернии в конце XIX – начале XX в., с которыми непосредственно взаимодействовало сельское сообщество через призму официальных делопроизводственных документов и местной прессы позволяет приблизиться к пониманию реальных исторических процессов. При этом интерпретация исторических источников, связанная с конструированием образа представителей сельской власти приводит к выводам, которые в большей мере определяют не итог, а перспективы исследовательского подхода.